

18+ ISSN: 0000-0000 TOM 1, № 1, 2022

ВЕСТНИК
ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

BULLETIN OF LAW RESEARCH

Научно-исследовательский журнал «**Вестник юридических исследований / Bulletin of Law Research**»
<https://blr-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://blr-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

УДК 347.1

Правовая природа решений собраний как оснований возникновения гражданских правоотношений

^{1, 2} Скворцова Т.А., ¹ Капитоненко А.С.,

¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),

² Ростовский государственный университет путей сообщения

Аннотация: в статье на основе анализа законодательства, доктрины и судебных актов раскрывается соотношение различных доктринальных подходов к сущности решений собраний как юридических фактов. Особое внимание уделяется связи решений собраний с конструкцией «гражданского-правового сообщества», а также специфике функционирования решений собраний в корпоративных и жилищных отношениях. Обосновывается вывод о двойственном характере решений собраний: с одной стороны, они представляют собой особый вид многосторонней сделки, а с другой – сложный юридический состав, включающий организационные предпосылки и процедурные стадии. В качестве самостоятельного результата исследования формулируется интегративная концепция решения собрания как юридического факта.

Ключевые слова: решение собрания, юридический факт, гражданско-правовое сообщество, сделка, корпоративные отношения, жилищные отношения, правосубъектность

Для цитирования: Скворцова Т.А., Капитоненко А.С. Правовая природа решений собраний как оснований возникновения гражданских правоотношений // Вестник юридических исследований. 2025. Том 4. № 6. С. 116 – 122.

Поступила в редакцию: 16 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 25 декабря 2025 г.

The legal nature of meeting resolutions as grounds for the emergence of civil-law relations

^{1, 2} Skvortsova T.A., ¹ Kapitonenko A.S.,

¹ Rostov State University of Economics,

² Rostov State Transport University

Abstract: in the article, based on an analysis of legislation, legal doctrine and case law, the relationship between various doctrinal approaches to the nature of meeting resolutions as legal facts is examined. Particular attention is paid to the connection between meeting resolutions and the construct of the “civil-law community” and to the legal personality of this phenomenon, as well as to the specific features of how meeting resolutions function in corporate and housing relations. It is argued that meeting resolutions have a dual character: on the one hand, they constitute a special type of multilateral transaction, while on the other they represent a complex set of legal facts that includes organizational preconditions and procedural stages. As an independent result of the study, an integrative concept of the meeting resolution as a legal fact is formulated.

Keywords: meeting resolution; legal fact; civil-law community; transaction; corporate relations; housing relations; legal personality

For citation: Skvortsova T.A., Kapitonenko A.S. The legal nature of meeting resolutions as grounds for the emergence of civil-law relations. Bulletin of Law Research. 2025. 4 (6). P. 116 – 122.

The article was submitted: September 16, 2025; Approved after reviewing: November 14, 2025; Accepted for publication: December 25, 2025.

Введение

Решения собраний в современном российском праве являются одним из наиболее сложных и дискуссионных институтов общей части гражданского законодательства. Это обусловлено тем, что решения собраний одновременно выступают и формой коллективного волеизъявления множества лиц, и юридическим фактом, с которым закон прямо связывает возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений, и процедурной конструкцией, ориентированной на принятие управленческих решений внутри корпоративных и иных объединений. Принятие в 2012-2013 гг. поправок к Гражданскому кодексу РФ, ознаменовавших появление главы 9.1 «Решения собраний», и включение подпункта 1.1 в пункт 1 статьи 8 ГК РФ, согласно которому гражданские права и обязанности возникают, в частности, из решений собраний, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия для лиц, имевших право участвовать в таком собрании, существенно изменили методологические рамки обсуждения данной категории.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе правовой природы решений собраний как оснований возникновения правоотношений с учетом новейшего нормативного регулирования и судебной практики, а также в формулировании теоретически последовательной и практически ориентированной модели данного института.

Задачами исследования являются: выявление исходных нормативных предпосылок регулирования решений собраний; анализ основных доктринальных концепций и их соотношения с практикой высших судебных инстанций; раскрытие связи между решениями собраний и конструкцией гражданско-правового сообщества; определение роли решений собраний в формировании обязательственных и корпоративных правоотношений; выработка выводов по результатам исследования о юридической природе решений собраний как юридических фактов.

Материалы и методы исследований

Методологически исследование опирается на диалектико-материалистический подход, позволяющий выявлять внутренние противоречия регулирования и его эволюцию, а также на системный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Используются методы логического анализа (индукции и дедукции), юридической герменевтики (толкование норм о решениях собраний во взаимосвязи с общими положениями о сделках и корпоративных правоотношениях), а также элементы функционального анализа, позволяющие оценить, какие фактические задачи решает законодатель, когда наделяет решения собраний способностью выступать основаниями возникновения правоотношений.

Результаты и обсуждения

Поворотным моментом в формировании современной конструкции решений собраний стало включение в пункт 1 статьи 8 ГК РФ подпункта 1.1, согласно которому гражданские права и обязанности возникают, помимо прочего, из решений собраний, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия для всех лиц, имевших право участвовать в таком собрании, а также для иных лиц, если это предусмотрено законом или вытекает из существа отношений. Тем самым решения собраний были поставлены в один ряд с традиционными юридическими фактами – сделками, административными актами, судебными решениями и иными действиями. Одновременно глава 9.1 ГК РФ определила решение собрания как результат обсуждения вопросов повестки дня и принятия по ним решений необходимым большинством голосов, подчеркнув, как коллективный характер волеизъявления, так и его процедурную обусловленность (кворум, повестка, порядок голосования, оформление протокола).

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 25 [11] исходит из того, что решения собраний принимаются гражданско-правовыми сообществами – определенными группами лиц, наделенными полномочиями принимать решения, обязательные для всех лиц, имевших право участвовать в соответствующем собрании. Пленум подчеркивает, что решение собрания порождает гражданско-правовые последствия, на которые оно направлено, и связывает их с кругом участников сообщества и, в некоторых случаях, с третьими лицами. Уже на нормативном уровне таким образом фиксируются два ключевых момента: во-первых, решение выступает самостоятельным юридическим фактом; во-вторых, оно порождает правовые последствия у всех членов соответствующего гражданско-правового сообщества.

В то же время глава 9.1 ГК РФ оставляет открытым вопрос о том, к какому типу юридических фактов следует отнести решения собраний. С одной стороны, к ним явно применим понятийный аппарат волеизъявления, характерный для сделок: речь идет о согласованной воле большинства участников, направленной на достижение определенного правового результата. С другой стороны, закон использует терминологию, более близкую к корпоративным актам управления (компетенция собрания, кворум, повестка дня, орган управления юридического лица). Этот дуализм решений собраний предопределил многообразие доктринальных подходов и последующие колебания судебной практики между признанием решений собраний самостоятельным юридическим фактом *sui generis* и их квалификацией как специального вида сделки.

В частности, А.Я. Рыженков обосновывает конструкцию решения собрания как сложного юридического состава. По его мнению, решение собрания не может быть сведено к единичному волеизъявлению: юридически значимым является совокупность по меньшей мере четырех фактов – надлежащим образом сформулированная повестка дня, наличие кворума, сам акт голосования и составление протокола, фиксирующего результаты голосования; именно соединение этих элементов образует юридический состав «решение собрания» [1]. Важно, что Рыженков, хотя и признает близость решения к сделке, подчеркивает, что условия действительности сделки (дееспособность, надлежащая форма, соответствие закону) не выступают отдельными юридическими фактами, тогда как для решения собрания каждый из указанных элементов имеет самостоятельное юридическое значение, в том числе как возможное основание для оспаривания решения.

Иной ракурс предлагает доктрина «особого юридического факта», в рамках которой решения собраний рассматриваются как самостоятельный вид юридических актов, не подпадающих целиком под традиционную сделочную модель. Так, А.В. Бессонова, анализируя место решений собраний в системе юридических фактов, подчеркивает, что решения собраний сочетают в себе элементы нормативного и индивидуального правового регулирования, имеют коллективный субъект и специфический механизм формирования воли, что оправдывает выделение их в особую категорию [6].

А.И. Бибиков, развивая идею «гражданского-правового акта», акцентирует внимание на том, что решения собраний по своей функции ближе к внутренним актам локального регулирования, чем к классическим договорам [7].

В рамках данной концепции допускается аналогия со сделками, но отрицается их полная идентичность: решения собраний обладают особыми признаками (коллективность, структурная сложность, сочетание властного и координационного начала), которые не позволяют рассматривать их как разновидность привычных многосторонних сделок.

Корпоративно-правовой подход, наиболее полно представленный в работах В.К. Андреева, исходит из того, что в предпринимательском обороте общее собрание хозяйственного общества является не гражданско-правовым сообществом, а высшим органом управления юридического лица. Соответственно, решения собраний хозяйственных обществ квалифицируются как акты органа управления, через которые юридическое лицо реализует свою волю, а не как волеизъявление некоего самостоятельного «сообщества» [2]. Андреев подчеркивает, что права и обязанности участников корпорации возникают и осуществляются в рамках юридического лица, а правовые последствия решений общих собраний следует рассматривать как проявление внутреннего механизма реализации управленческих правоотношений. Этот подход позволяет связать решения собраний с общей конструкцией органов юридического лица (ст. 53 ГК РФ), но требует дополнительных пояснений, когда речь идет о решениях собраний в некорпоративных гражданско-правовых сообществах (например, собрания собственников или кредиторов).

Особое место занимает концепция гражданского-правового сообщества, разработанная в трудах В.В. Груздева и С.Ю. Филипповой. Груздев определяет гражданско-правовое сообщество как группу лиц, объединенных общностью интереса, внутренней структурой и способностью принимать решения, обязательные для всех участников [8], тогда как Филиппова акцентирует динамический характер таких сообществ и их роль в горизонтальной самоорганизации частноправовых связей [9]. На эту доктрину прямо опирается И.А. Политкин, связывая признание решений собраний юридическим фактом (ст. 8 и 181.1 ГК РФ) с необходимостью признать за гражданско-правовым сообществом определенную правосубъектность. По его мнению, если принятие решения собрания порождает гражданско-правовые последствия, то принимающее решение собрание должно обладать способностью участвовать в правоотношениях, пусть и в форме квазисубъекта, не обладающего статусом юридического лица [4].

Таким образом, в доктрине решения собраний одновременно понимаются как сложный юридический состав, как особый юридический факт, как акт органа управления юридического лица и как форма волеизъявления гражданско-правового сообщества. Указанные подходы не столько взаимно исключают, сколько дополняют друг друга: каждый из них фиксирует определенный аспект правовой природы решений собраний.

ний, но ни один в отдельности не дает исчерпывающего ответа на вопрос о том, каким образом решения собраний выступают основанием возникновения правоотношений.

Судебная практика как правило исходит из сделочной природы решений собраний. Качественный перелом произошел после принятия Верховным Судом РФ Определения СКЭС от 06.03.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу ООО «Яна Тормыш» [12], в котором прямо сформулировано, что устав и решения собрания участников общества являются сделками, а решения собраний – специальным видом сделок, к которым подлежат применению общие нормы о сделках в части, не противоречащей специальным правилам о решениях собраний. Данное разъяснение было воспринято как окончательный выбор в пользу «сделочной» концепции, поскольку до этого практика колебалась между признанием решений собраний самостоятельными юридическими фактами и осторожным использованием аналогии закона, на что указывает в своей работе Н.А. Павлов [3].

Сделочная квалификация решений собраний позволила судам использовать весь арсенал институтов недействительности сделок (ничтожность, оспоримость, последствия недействительности), в том числе нормы о защите прав третьих лиц и публичных интересов (п. 2 ст. 168 ГК РФ), к отдельным положениям уставов и корпоративным решениям, посягающим на публичные интересы или права третьих лиц.

Вместе с тем, как справедливо замечает Павлов, чрезмерно широкое использование общих норм о недействительности сделок без учета специальных оснований недействительности решений собраний (ст. 181.3 ГК РФ) создает риск подрыва системной логики регулирования: *lex specialis* должны иметь приоритет перед общими нормами, а общие правила о сделках допускается применять лишь субсидиарно [3].

С точки зрения рассматриваемой темы важно отметить, что признание решений собраний специальным видом сделок не отменяет их функции как самостоятельного основания возникновения правоотношений, но уточняет ее. Решения собраний в корпоративном обороте выступают не просто юридическим фактом, но и внутренней сделкой особого рода, через которую формируется и реализуется совместная воля участников корпорации относительно управления юридическим лицом. Эта сделка структурно отличается от классического договора: вместо консенсуса между равноправными сторонами (как в договоре) здесь действует механизм большинства, а содержание прав и обязанностей формируется не индивидуально, а на основе внутризакрепленных процедурных правил. Признание решений собраний сделками лишь подчеркивает, что воля, реализуемая через них, является гражданско-правовой волей, а возникающие на ее основе правоотношения – гражданскими, а не исключительно корпоративно-организационными.

Конструкция гражданско-правового сообщества позволяет объяснить специфическую «адресность» решений собраний, выходящую за рамки традиционной договорной модели. Если в договоре правовые последствия возникают для сторон, выразивших согласованную волю, то решение собрания порождает последствия для всех лиц, имевших право участвовать в соответствующем собрании, включая тех, кто воздержался или голосовал против. Пленум Верховного Суда РФ [11] прямо связывает решения собраний с гражданско-правовыми сообществами, под которыми понимаются определенные группы лиц, наделенные полномочиями принимать решения, обязательные для всех участников сообщества и, в установленных случаях, для третьих лиц.

И.А. Политкин, развивая данную идею, указывает, что признание решений собраний юридическими фактами, порождающими гражданско-правовые последствия, логически требует признания за гражданско-правовым сообществом определенной правосубъектности, хотя бы в виде квазисубъекта, реализующего свою волю через органы – собрания [4]. При этом автор подчеркивает, что гражданско-правовое сообщество не тождественно юридическому лицу: оно не обладает статусом «лица», но тем не менее фактически участвует в имущественном обороте через принимаемые решения. Правосубъектность сообщества проявляется, прежде всего, в способности инициировать принятие решений, нести ответственность за неблагоприятные последствия принятых решений и выступать стороной в процессуальных отношениях, связанных с оспариванием решений.

Данный подход оказывается особенно верным в сферах, где решения собраний принимаются вне рамок юридического лица – в собраниях собственников, кредиторов, участников жилищных отношений, садоводческих товариществ и т.д. Л.А. Чеговадзе, исследуя кворум общих собраний в садоводческих некоммерческих товариществах, убедительно показывает, что именно через решения таких собраний реализуется гражданская правосубъектность соответствующих сообществ, а нормативная неопределенность требований к кворуму непосредственно влияет на легитимность решений и стабильность возникающих на их основе правоотношений [10].

В этом контексте особую значимость приобретает вопрос о том, выступают ли решения собраний самостоятельными основаниями возникновения правоотношений или лишь «мостиком» к последующим дого-

ворам и иным сделкам. Представляется, что сочетание норм статей 2, 8 и 181.1 ГК РФ и доктрины гражданско-правового сообщества позволяет сделать вывод в пользу первого подхода. Решения собраний непосредственно создают, изменяют или прекращают правоотношения внутри сообщества (например, определяют размер обязательных платежей, утверждают правила пользования общим имуществом, выбирают управомоченную организацию), а также, в предусмотренных законом случаях, порождают обязательства между сообществом и третьими лицами (например, заключение договора управления многоквартирным домом на основании решения общего собрания собственников помещений).

Применение разработанных теоретических конструкций особенно наглядно проявляется в сфере жилищных отношений. Д.А. Формакидов выделяет несколько типов решений собраний участников жилищных отношений: решения общего собрания собственников помещений многоквартирного дома, решения общего собрания пайщиков жилищных и жилищно-строительных кооперативов, решения общего собрания членов товариществ собственников жилья и решений групп собственников, принимаемые вне общего собрания (например, собственниками нежилых помещений или собственниками квартир одного подъезда) [5].

Формакидов показывает, что каждое из этих собраний представляет собой отдельное гражданско-правовое сообщество с различной компетенцией общих собраний и различной правовой природой: в кооперативах и товариществах общее собрание является органом управления корпоративной некоммерческой организацией, тогда как общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме выступает органом управления именно общим имуществом собственников, а не юридического лица. Соответственно, решения собраний в жилищных отношениях порождают как корпоративные, так и обязательственные правоотношения. Например, решение общего собрания собственников о выборе способа управления домом непосредственно порождает обязательственные отношения между собственниками и управляющей организацией, а решения о размере платы за содержание и ремонт общего имущества формируют содержание обязательств собственников по внесению соответствующих платежей.

Интересно, что Формакидов, опираясь на доктрину гражданско-правового сообщества, предлагает отнести к таким сообществам и более «локальные» группы собственников – например, собственников нежилых помещений, принимающих решения о благоустройстве определенной части территории, или собственников квартир одного подъезда, устанавливающих особые правила поведения в подъезде. В этих случаях решения собраний также порождают взаимные права и обязанности участников сообщества, хотя и не являются решениями «общего собрания» в смысле Жилищного кодекса РФ.

Такая практика показывает, что решения собраний как юридический факт выходят далеко за рамки формализованных процедур и выступают инструментом частной самоорганизации в различных сферах жизнедеятельности.

Обобщение нормативного материала, доктринальных подходов и судебной практики позволяет предложить интегративную модель решения собрания.

Во-первых, решения собраний следует признать основанием возникновения правоотношений в материально-правовом смысле: именно они определяют содержание управленческих и имущественных связей между участниками сообщества и, в установленных законом случаях, между сообществом и третьими лицами. Эта функция реализуется вне зависимости от того, квалифицируем ли мы решения собраний как сделки или как особый юридический факт *sui generis*. Важным здесь является то, что решение собрания носит направленный характер (аналогичный сделке) и специально предназначено для порождения правовых последствий, а не лишь фиксирует уже сложившееся состояние.

Во-вторых, решения собраний могут и должны рассматриваться как комплекс юридических фактов (юридический состав), включающий процедурные стадии (созыв, формирование повестки, определение кворума, проведение голосования, составление протокола). Нарушение любого из этих элементов может повлечь недействительность решения или невозможность признать его состоявшимся. Подобный подход, предложенный А.Я. Рыженковым [1], позволяет системно согласовать нормы главы 9.1 ГК РФ, регулирующие порядок принятия решений, с нормами о недействительности решений (ст. 181.3 ГК РФ) и с общими положениями о ничтожных и оспоримых сделках.

В-третьих, признание решений собраний специальным видом сделок, закрепленное в судебной практике, создает возможность применения общих норм о сделках к решениям собраний. Полагается, что такие нормы применимы субсидиарно – в той части, в какой вопросы не урегулированы специальными правилами главы 9.1 ГК РФ и не противоречат сущности коллективного волеизъявления. Это предполагает, что основания недействительности решения собрания, прямо указанные в статьях 181.3, 181.4 ГК РФ, должны рассматриваться как приоритетные, тогда как общие основания недействительности сделок (ст. 166-179 ГК

РФ) применимы лишь в случаях, когда по своей природе решение собрания действительно воспроизводит классическую сделку (например, согласие на совершение крупной сделки или одобрение сделки с заинтересованностью).

В-четвертых, конструкция гражданско-правового сообщества позволяет объяснить особый механизм связывания правовыми последствиями лиц, которые не выражали согласия на принятие решения (воздержались либо голосовали против), но входили в состав сообщества и имели право участвовать в собрании. В отличие от договора, где права и обязанности по общему правилу возникают только для согласившихся сторон, решения собраний «привязываются» к факту принадлежности лица к определенному сообществу и к предоставленной ему возможности участвовать в формировании коллективной воли. Именно принадлежность к сообществу, а не индивидуальное волеизъявление, становится основанием для обязательности решения.

Наконец, в-пятых, интегративная модель позволяет более четко разграничить решения собраний как основания возникновения правоотношений и последующие сделки, совершаемые во исполнение решений. Решение собрания определяет рамки и предпосылки для заключения последующих договоров (например, утверждает условия увеличения уставного капитала), но не подменяет собой соответствующие распорядительные сделки. В то же время в ряде случаев именно решение собрания непосредственно порождает обязательства (как в жилищных отношениях), и тогда оно выступает «самодостаточным» основанием возникновения правоотношений, без необходимости последующей сделки.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что правовая природа решений собраний имеет комплексный характер. Эти решения одновременно являются:

- 1) сложным юридическим составом, включающим совокупность процедурных и содержательных элементов (повестка дня, кворум, голосование, протокол);
- 2) специальным видом многосторонних сделок, что позволяет применять к ним общие положения о сделках и их недействительности;
- 3) актами органов управления гражданско-правовых сообществ и юридических лиц.

Каждая из названных характеристик улавливает отдельный аспект явления, и лишь в их совокупности возможно адекватное понимание роли решений собраний в системе юридических фактов.

В связи с этим авторами предлагается интегративная модель решения собрания.

Список источников

1. Рыженков А.Я. Решения собраний как юридический факт в предпринимательском праве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1 (21). С. 62 – 66.
2. Андреев В.К. Правовая природа решения собрания хозяйственного общества // Предпринимательское право. 2022. № 3. С. 27 – 33.
3. Павлов Н.А. Применение общих правил о сделках и их недействительности к решениям собраний: обзор практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 3. С. 190 – 228.
4. Политкин И.А. К вопросу о правосубъектности гражданско-правового сообщества // Цивилист. 2024. № 4.
5. Формакидов Д.А. Типология решений собраний участников жилищных отношений // Закон. 2023. № 3. С. 51 – 56.
6. Бессонова А.В. Правовое положение решений собраний в системе юридических фактов // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 4А. С. 61 – 66.
7. Бибиков А.И. Решения собраний как гражданско-правовой акт // Евразийская адвокатура. 2015. № 5. С. 31 – 34.
8. Груздев В.В. Гражданско-правовые сообщества: понятие, виды // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 10. С. 61 – 71.
9. Филиппова С.Ю. Гражданско-правовое сообщество: понятие, структура, виды, динамика правовой связи (опыт инструментального исследования) // Правоведение. 2014. № 6 (317). С. 128 – 142.
10. Чеговадзе Л.А. О кворуме общих собраний в садоводческом некоммерческом товариществе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 3. С. 69 – 72.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 30.06.2015.

12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 06.03.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 // СПС «Консультант Плюс».

References

1. Ryzhenkov A.Ya. Meeting Decisions as a Legal Fact in Entrepreneurial Law. *Journal of Entrepreneurial and Corporate Law*. 2021. No. 1 (21). P. 62 – 66.
2. Andreev V.K. Legal Nature of a Meeting Decision of a Business Company. *Entrepreneurial Law*. 2022. No. 3. P. 27 – 33.
3. Pavlov N.A. Application of General Rules on Transactions and Their Invalidity to Meeting Decisions: A Review of Practice. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2024. No. 3. P. 190 – 228.
4. Politkin I.A. On the Issue of the Legal Capacity of a Civil Law Community. *Civilist*. 2024. No. 4.
5. Formakidov D.A. Typology of Decisions of Meetings of Participants in Housing Relations. *Law*. 2023. No. 3. P. 51 – 56.
6. Bessonova A.V. Legal Status of Meeting Decisions in the System of Legal Facts. *Issues of Russian and International Law*. 2019. Vol. 9. No. 4A. P. 61 – 66.
7. Bibikov A.I. Meeting Decisions as a Civil Law Act. *Eurasian Advocacy*. 2015. No. 5. P. 31 – 34.
8. Gruzdev V.V. Civil-Law Communities: Concept, Types. *Journal of Russian Law*. 2021. Vol. 25. No. 10. P. 61 – 71.
9. Filippova S.Yu. Civil-Law Community: Concept, Structure, Types, Dynamics of Legal Connection (Experience of Instrumental Research). *Jurisprudence*. 2014. No. 6 (317). P. 128 – 142.
10. Chegovadze, L.A. “On the Quorum of General Meetings in a Horticultural Non-Profit Partnership”. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2022. No. 3. P. 69 – 72.
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 “On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation”. *Rossiyskaya Gazeta*. June 30, 2015.
12. Determination of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of March 6, 2020 No. 306-ES19-24912 in Case No. А65-3053/2019. SPS “Consultant Plus”.

Информация об авторах

Скворцова Т.А., кандидат юридических наук, доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения; профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), tas242@yandex.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9605-0966>

Капитоненко А.С., профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), angela_seryogina@mail.ru

© Скворцова Т.А., Капитоненко А.С., 2025